

мастерской. Ощущается постоянная нехватка строительных материалов. По-прежнему, ряд объектов дворцового ансамбля находятся в аварийном состоянии (Соколиная башня, дворцовая мечеть, бани Сары-Гюзель, мавзолеи, стены и ограждения)» [8, л. 40].

Глубокий экономический кризис, наступивший в конце 1980-х годов, не позволил реализовать задуманное. Из-за отсутствия финансирования все реставрационные работы во дворце были остановлены.

Таким образом, только с 60-х годов XX в. началась планомерная реставрация Бахчисарайского ханского дворца. До этого работы проводились бессистемно, непрофессионально и носили очаговый характер. В основном они были направлены на укрепление отдельных опорных конструкций и ремонт наиболее обветшавших объектов. При этом общее состояние дворца требовало более масштабной реставрации. В 60–80-х годах, благодаря научно-исследовательскому подходу в реставрации, удалось приблизить внешний вид дворцового комплекса к первоначальному.

Источники и литература

1. Бахчисарайский историко-культурный заповедник, научный архив (далее – БИКЗ), д. 78, л. 5.
2. Государственный архив в Автономной республике Крым (далее – ГААРК), ф. Р-4281, оп. 1, д. 1, л. 132.
3. ГААРК, ф. Р-4281, оп. 1, д. 1, л. 113.
4. Кармазіна Н. В. Охорона пам'яток мусульманської культури в Криму в 50-80-х рр. XX ст. // Нові дослідження пам'яток Козацької доби в Україні: зб. наук. ст. / Центр пам'яткознавства НАН України та УТОПК.– К., 2006.– Вип. 15.– С. 305–307.
5. БИКЗ. Годовые планы, отчеты о работе Бахчисарайского дворца-музея (1954–1959), л. 128.
6. БИКЗ. Акты осмотра памятников археологии и архитектуры Бахчисарайского района 1945–1973 гг., 1–2.
7. Богданова Н. А. История постройки, ремонтов и реставрации бывшего Ханского дворца в Бахчисарае.– Бахчисарай, 1963.– 46 л.
8. БИКЗ. Отчет о работе Бахчисарайского историко-архитектурного музея за 1983 год, л. 39.

Денис Парафило (Симферополь), студент Таврического национального университета им. В. И. Вернадского

«Культпросвет» или КрымОХРИС : новые факты передачи «Карай-Битиклиги»

Глобальные перемены, произошедшие в Крыму после установления советской власти, коснулись всех сфер жизни, в том числе и культурной. Они проявились в национализации культурных объектов (в том числе и библиотек), которые сопровождалась борьбой различных советских учреждений за культурное богатство того или иного народа. Подверглась национализации и «Карай-Битиклиги».

Данная проблема в историографии получила лишь фрагментарное освящение. Так, в «Караимском биографическом словаре» (конец XVIII в. – 1960 г.), составленном видным караимским общественным деятелем Б. С. Ельяшевичем [1] и вышедшим самиздатом в 1960 г. (в 1993 г. он был переиздан Институтом этнологии и антропологии РАН в серии «Народы и культуры») имеется отдельная статья, посвященная Б. С. Ельяшевичу. Там в общих чертах упоминается о национализации «Карай-Битиклиги». В публикации указан количественный состав библиотеки на момент национализации, однако отсутствуют данные о самом процессе и соперничестве советских учреждений. Тем не менее, на данную статью опираются последующие исследователи указанной проблемы. Новые публикации, касающиеся данной темы, появляются в 80–90-е годы XX в. Именно в этот период увидела свет статья Л. Я. Медведевой [2], в которой анализируются еврейские рукописи, хранившиеся в Ленинградском отделении Института Востоковедения АН СССР, в том числе и рукописи из библиотеки «Карай-Битиклиги». В публикации изложена история библиотеки до поступления рукописей в Институт востоковедения.

Данного вопроса в своих публикациях касались местные краеведы: З. Н. Коняхина [3], Ю. А. Полканов [4], Д. З. Тирияки [5]. Краеведы З. Н. Коняхина и Ю. А. Полканов в своих статьях, посвященных «Карай-Битиклиги», только упоминают о национализации коллекции и указывают дату – 1920 год [6; 7]. А в свою очередь, духовный лидер караимской общины в Евпатории Д. З. Тирияки в статье о Б. С. Ельяшевиче также упоминает о передаче «Карай-Битиклиги», но при этом ссылается на самого Б. С. Ельяшевича [8].

История караимской национальной библиотеки нашла свое отражение в ряде специализированных изданий. Так, в публикациях кандидата исторических наук У. К. Мусаевой [9] приводятся данные из архивных источников, касающиеся истории библиотеки «Карай-Битиклиги». Однако в них недостаточно полно отражена история библиотеки в период 1920–1922 годов. О передаче библиотеки «Карай-Битиклиги» упоминает также кандидат исторических наук Д. А. Прохоров, который рассматривает этот факт в контексте истории караимской национальной общины [10; 11].

Особое место данная проблема занимает в фундаментальных исследованиях доктора исторических наук, профессора А. А. Непомнящего [12–15], в которых автор уделяет пристальное внимание освещению проблем библиотеки «Карай-Битиклиги». Благодаря его науковедческим штудиям в научный оборот введены многочисленные архивные материалы – документы личного происхождения, отчеты, архивные документы и т. д.

При написании данной статьи нами был использован и введен в научный оборот архивный материал из фондов «Таврического и Одесского караимского духовного правления» и «Евпаторийского краеведческого музея», хранящийся в Государственном архиве в АР Крым.

В ноябре 1920 г. в Крыму окончательно была установлена советская власть. В то время в Евпатории существовали две караимские библиотеки:

библиотека имени А. Ю. Мичри, которая была передана караимской нации наследниками видного караимского деятеля А. Ю. Мичри в мае 1919 г. [16] и созданная по инициативе С. М. Шапшала в 1916 г. «Карай-Битиклиги» [17, 488]. К январю 1921 г. обе библиотеки оказались в ведении С. С. Ельяшевича [18]. Согласно выявленной нами в архивном фонде Евпаторийского краеведческого музея квитанции, которая была выдана С. С. Ельяшевичу отделом Наробраза СССР 3 декабря 1920 г., начался процесс национализации библиотеки «Карай-Битиклиги» [19, 221]. Речь о том, что «нижеследующие художественные ценности принадлежат Караимской библиотеке «Карай-Битиклиги», взяты на учет подотделом секции Наробраза и не подлежат выдаче кому бы то ни было без разрешения подотдела : пистолеты старые – 1 ; двуствольное старинное ружье – 1 ; секиры старые – 1 ; кривые сабли старые – 4 ; мечи короткие – 2 ; пики короткие – 6 ; булавообразные доспехи – 4 ; щиты металлические – 2 ; шлем кожаный – 1 ; предметы быта и проч. – 16 ; карта рельефная – 1 ; карты, картинки, гравюры, рисунки и проч. – 10 ; а также фотографии. Весь означенный материал составляет народное имущество караимской нации».

Одновременно с началом национализации проходил процесс реорганизации работы библиотеки. 28 декабря 1920 г. библиотекарем «Карай-Битиклиги» стал С. Я. Нейман [20, 1], а уже 15 января 1921 г. в число сотрудников вошли : С. М. Шайтан, З. Я. Юхневич, О. М. Бебеш, В. С. Череф, А. И. Михайлова, М. И. Иртлич [21, 1]. К сожалению, больше упоминаний о деятельности данных людей в период с января 1921 по апрель 1921 г. нами не выявлено. На основании обнаруженных фактов мы приходим к выводу, что к апрелю 1921 г. единственным хранителем библиотеки остался С. С. Ельяшевич, который 27 апреля 1921 г. стал сотрудником евпаторийского КрымОХРИСа в должности заведующего по охране архитектурных памятников в г. Евпатория [22, 31]. После всех этих событий вновь был актуализирован вопрос о включении библиотек «Карай-Битиклиги» и А. Ю. Мичри в непосредственное подчинение КрымОХРИСу. Уже 16 мая 1921 г. на одном из заседаний евпаторийской секции КрымОХРИСа хранитель краеведческого музея в Евпатории Г. Х. Бояджиив делал доклад о том, что библиотека «Карай-Битиклиги» и А. Ю. Мичри должны перейти в ведение КрымОХРИСа [23, 36]. Доклад имел следующую формулировку : «Евпаторийская секция [Крым]ОХРИС при Евпаторийском Наробразе доводит до сведения Библиотечной секции, что ученым совещанием при КрымОХРИСе решено принять все библиотеки музейного караимства в свое ведение. А поэтому караимская национальная библиотека-музей «Карай – Битиклиги», библиотека имени А. Ю. Мичри, как ценности подлежат охране и контролю в секции [Крым]ОХРИС. Работа в них должна проводиться под руководством ОХРИСа. Готовить в известной секции меры по охране и характере работ на будущее время» [24, 66]. О содержании данного доклада сотрудники КрымОХРИСа решили поставить в известность библиотечную секцию Политпросвета, после чего завязалась переписка между этими учреждениями по вопросу о том, кому должны перейти обе библиотеки.

12 июня 1921 г. заведующий евпаторийским Политпросветом А. Шиндер отметил несостоятельность заявлений КрымОХРИСа касательно караимских библиотек и рекомендовал впредь согласовывать с Политпросветом решения по данному вопросу [25, 148]. Ситуацию усугубил хранитель библиотеки С. С. Ельяшевич, который 29 июля 1921 г. поставил в известность заведующую Евпаторийского КрымОХРИСа Полину Яковлевну Чепурину о том, «что в библиотеке «Карай-Битиклиги» работают и зачислены на должность следующие сотрудники : исполняющий обязанности ученого библиотекаря Арон Ильич Катък (с 12 июля 1921 г.), младший библиотекарь Захарий Яковлевич Ходжаш, Ольга Марковна Бебеш (с 29 июня 1921 г.)» [26, 145]. 1 августа 1921 г. состоялось первое совместное заседание Политпросвета и КрымОХРИСа по поводу вопроса о переходе караимских библиотек-музеев в ведомство КрымОХРИСа [27, 82]. На нем было принято решение о приглашении : востоковеда А. Б. Челебиева, профессора Крымского университета А. И. Маркевича и заведующего библиотекой Крымского университета Н. Л. Эрнста. Сохранился протокол заседания Коллегии библиотечной секции Политпросвета от 8 августа 1921 г., где рассматривался вопрос о переходе караимской библиотеки в ведение КрымОХРИСа, а также заслушано сообщение объединенной экспертной комиссии евпаторийского Наробраза и КрымОХРИСа, в состав которой вошли : А. Б. Челебиев, А. И. Маркевич и Н. Л. Эрнст. Ими был установлен состав книг и их ценность [28, 157]. Было решено, что до перехода в КрымОХРИС библиотека ведомственно подчинится Наробразу. Заведующему С. С. Ельяшевичу был выражен протест за преждевременные и самостоятельные действия по привлечению новых сотрудников со стороны участников совещания [29, 140].

2 сентября на заседании караимского Культпросвета, как составной части евпаторийского отделения Политпросвета, С. С. Ельяшевичу было предложено передать библиотеку имени А. Ю. Мичри, не проведя при этом предварительный учет хранящихся материалов, представителю Культпросвета С. М. Шайтану [30, 18]. В свою очередь, С. С. Ельяшевич 25 сентября в письме заведующей Евпаторийским центральным комитетом Крымнаркомпроса поднимал вопрос о том, что он периодически получает уведомления о сдаче библиотеки А. Ю. Мичри новому заведующему без составления полной описи. По его мнению, подобный переход библиотеки противоречит принципам ее хранения и контроля. В конце письма С. С. Ельяшевич отказался сдавать библиотеку в распоряжение Культпросвета [31, 114]. Однако 21 октября 1921 г. ситуация внезапно изменилась—С. С. Ельяшевич передает опись книг и библиотеку А. Ю. Мичри в ведение сотрудника Культпросвета С. М. Шайтана [32, 18]. Заведывание библиотекой «Карай-Битиклиги» было передано представителю Политпросвета, бывшему сотруднику библиотеки А. И. Ходжашу [33, 109]. В свою очередь, сам С. С. Ельяшевич уехал в Москву, как видно из протокола заседания евпаторийского КрымОХРИСа от 4 ноября 1921 г., не сообщив об этом ни одному из сотрудников КрымОХРИСа. Как отмечает А. Х. Бояджиев, «11 октября в старокараимском доме Тришкана (которым заведовал С. С. Ельяшевич) некие злоумышленники украли

часть строительных материалов, о чем О. Х. Бояджиев сообщил С. С. Ельяшевичу, который ответил, что он передал обращение в милицию. Но после этого С. С. Ельяшевич внезапно выехал в Москву» [34, 101].

1 ноября 1921 г. евпаторийский Культпросвет просит заведующую местного отделения КрымОХРИСа П. Я. Чепурину утвердить А. И. Ходжаша в должности заведующего библиотекой «Карай-Битиклиги», при этом «просит Вас не отказать взять на себя ходатайство о передаче означенной библиотеки караимскому обществу в лице «Культпросвета» [35, 109]. В ответ на эти заявления КрымОХРИС на заседании от 4 ноября 1921 г. постановил, что на место уехавшего в Москву С. С. Ельяшевича назначается Абрам Иосифович Ходжаш. Вследствие вышесказанного А. И. Ходжашу было предложено приступить к исполнению своих обязанностей. Составить акт о приеме библиотек Карай-Битиклиги и Мичри, о розыске злоумышленников сообщить в секцию» [36, 101]. В свою очередь, П. Я. Чепурин составляет смету расходов по евпаторийскому отделению КрымОХРИСа на 1922 г., где были выделены следующие пункты расходов на содержание библиотеки «Карай-Битиклиги»: «на ремонт, штукатурку и побелку 150000 рублей, расходы канцелярские, бумаги для библиотеки 250000 рублей, пересмотр книг 150000 рублей, музей при библиотеке 5000000 рублей, отопление музея и библиотеки 750000 рублей». На содержание библиотеки А. Ю. Мичри, в общей сложности, должно было быть выделено 7,5 млн. рублей [37, 102]. К сожалению, у Советского государства не находилось средств для содержания подобных учреждений.

Таким образом, библиотека «Карай-Битиклиги» и библиотека имени А. Ю. Мичри уже к ноябрю 1921 г. были национализированы, а затем переданы в ведение евпаторийского отделения КрымОХРИСа, которое в это время возглавляла П. Я. Чепурин.

Литература

1. Ельяшевич Б. С. Караимский Биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.) / Б. С. Ельяшевич // Караимы : мат-лы к сер. «Народы и культуры»; под ред. М. Н. Губогло, А. И. Кузнецова, Л. И. Миссоновой.—М., 1993.—Вып. 14, кн. 2.—185 с.
2. Медведева Л. Я. О коллекции караимских и крымчакских рукописей в ЛО Института Востоковедения АН СССР / Л. Я. Медведева // Советская тюркология, 1988.—№ 6.—С. 89–102.
3. Коняхина З. Н. Карай Битиклиги—национальная библиотека крымских караимов / З. Н. Коняхина // Известия Крымского Республиканского Краеведческого Музея.—1994.—№8.—С.62–64.
4. Полканов Ю. А. Карай Битиклиги - караимская национальная библиотека / Ю. А. Полканов // Полканов Ю. А. Караи—крымские караимы-тюрки / Ю. А. Полканов.—Симферополь, 1997.—С.122–123.
5. Теряки Д. О. Б. С. Ельяшевиче / Д. Теряки // Симферополь, 2007.—№ 3.—С. 15–17.
6. Полканов Ю. А. Указ. соч.—С. 122.
7. Коняхина З. Н. Указ. соч.—С. 62.
8. Теряки Д. О. Указ. соч.—С. 15.
9. Мусаева У. К. Подвижники крымской этнографии, 1921–1941 : Историографические очерки / У. К. Мусаева / Под ред. А. А. Непомнящего ;

Таврический национальный ун-т им. В. И. Вернадского.—Симферополь, 2004.—214 с.— («Биобиблиография крымоведения»; вып. 2).

10. Прохоров Д. А. Деятельность ТУАК–ТОИАЭ по изучению истории, этнокультурных и конфессиональных традиций крымских караимов (1887–1930) / Д. А. Прохоров // Историческое наследие Крыма, 2007.—№ 19.—С. 162–180.

11. Прохоров Д. А. Сохранение крымскими караимами национально-культурных традиций в эпоху постреволюционных преобразований 1917–1920 гг. / Д. А. Прохоров // Межэтничные и межконфессиональные отношения в Крыму: проблемы и их решения: сб. науч. ст. / Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского, НАН Украины.—Симферополь: Тезис, 2009.—С. 147–169.

12. Непомнящий А. А. «Еще держится у нас старая культурность...»: новые материалы по истории крымоведения в переписке местных историков с академиком И. Ю. Крачковским / А. А. Непомнящий // Историческое наследие Крыма.—Симферополь, 2007.—№ 19.—С. 181–202.

13. Непомнящий А. А. Неизвестные документы о судьбе коллекции Карай—Битиклиги / А. А. Непомнящий // Крымский архив.—2009.—№ 11.—С. 303–316.

14. Непомнящий А. А. Подвизники крымоведения / А. А. Непомнящий.—Симферополь, 2008.— Т. 2: TAURICA ORIENTALIA.—600 с., ил.— («Биобиблиография крымоведения»; вып. 12).

15. Непомнящий А. А. Утраченная коллекция: новые документы о судьбе караимского книжного собрания Карай-Битиклиги / А. А. Непомнящий. // Стародруки і рідкісні видання в університетській бібліотеці: мат-ли Міжнар. книгознавчих читань. м. Одеса, 14–16 верес. 2009 р.: зб. ст. / упор.: О. В. Полевщикова, В. А. Самодурова, О. В. Суровцева; Одес. нац. ун-т ім. І. І. Мечникова.—Одеса: Астропринт, 2010.—С. 199–217.

16. Парафило Д. М. Уникальная частная книжная коллекция: библиотека А. Ю. Мичри. / Д. М. Парафило // Стародруки і рідкісні видання в університетській бібліотеці: мат-ли Міжнар. книгознавчих читань. м. Одеса, 14–16 верес. 2009 р.: зб. ст. / упор.: О. В. Полевщикова, В. А. Самодурова, О. В. Суровцева; Одес. нац. ун-т ім. І. І. Мечникова.—Одеса: Астропринт, 2010.—С. 218–233.

17. Парафило Д. М. «Известия Таврического и Одесского караимского духовного правления» как источник по истории «Карай-Битиклиги». / Д. М. Парафило // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні: зб. наук. пр. / Центр пам'ятокознавства НАН України і УТОПІК.—К., 2010.—Вип. 19.—С. 487–490.

18. Парафило Д. М. К биографии заведующего библиотекой «Карай-Битиклиги» С. С. Ельяшевича / Д. М. Парафило // Матеріали 9-ї Всеукр. наук. конф. «Актуальні питання історії науки і техніки». м. Житомир, 7–9 жовтня 2010 р. / Центр пам'ятокознавства НАН України і УТОПІК.—К., 2010.—С. 348–350.

19. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 1, л. 221.

20. Там же, ф. 241, оп. 2, д. 111, л. 1.

21. Там же, д. 115, л. 1.

22. Там же, ф. Р-138, оп. 1, д. 1, л. 31.

23. Там же, л. 36.

24. Там же, л. 66.

25. Там же, л. 148.

26. Там же, л. 145.

27. Там же, л. 82.

28. Мусаева У. К. Указ. соч.—С. 156.

29. ГААРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 1, л. 140.

30. Там же, ф. 241, оп. 2, д. 45, л. 18.
31. Там же, ф. P-138, оп. 1, д. 1, л. 114.
32. Там же, ф. 241, оп. 2, д. 45, л. 18.
33. Там же, ф. P-138, оп. 1, д. 1, л. 109.
34. Там же, л. 101.
35. Там же, л. 109.
36. Там же, л. 101.
37. Там же, л. 102.

Валида Пашаева (Эрзурум, Турция),
доцент кафедры текстиля и моделирования
одежды факультета искусства Ататюркского
университета, кандидат исторических наук

Элементы тюркской мифологии в азербайджанском текстиле

Мифологическое мышление человека на начальном этапе развития человечества было тесно связано с его жизнью и окружающей его средой и влияло на все сферы его творческой деятельности. Люди с целью магического воздействия на условия бытия использовали словесные заклинания, изображения, наделенные символическим смыслом и магическим значением, проводили магические обряды и т.д. Поэтому мифологические представления каждого народа содержатся в его языке, фольклоре, музыке, обрядах и традициях, сакральной архитектуре и орнаменте.

Древние люди верили в волшебную силу изображения. Но кроме этого, они этим путем запечатлевали и передавали, по их мнению, жизненно важную информацию своим потомкам. В результате эти символические изображения приобретали значение родовой памяти. Эти изображения в свое время имели культовое содержание, выполняли роль заговоров на благоденствие или оберегов от зла, были племенными эмблемами и т.д. Со временем их первоначальный смысл был забыт, но они продолжали применяться, превращаясь в орнамент. В современной культуре орнамент – всего лишь украшение, элемент декора, а наши предки этим символам придавали серьезное значение. Потомки хотя и не знали смысл и назначение этих узоров, но знали, что присутствие их на каком-то предмете или изделии обязательно, и передавались они из поколения в поколение. Так дошли до нас символы, несущие мифологические взгляды наших предков о происхождении Вселенной, человека, всего живого в этом мире, их понимания жизни и смерти, концепции человека, времени, пространства. Со временем, декоративно переформируясь, они становились составной частью орнаментально-декоративной системы и использовались как часть, элемент художественной композиции. Они составляют ту базу, на основании которой можно узнать, носителем какой культуры является тот или иной предмет.